

Отдайте нам точку опоры

Известия - 2006 -
Том 10 - с. 10

Кама Гинкас опять обратился к Достоевскому. Один из самых мощных его спектаклей — он сделан по «Легенде о Великом инквизиторе» — бросает вызов Творцу, но одновременно бросает его и людям. Вызов хочется принять.

МАРИНА ДАВЫДОВА

Теперь, когда неутомимый моралист и избретательный провокатор русского театра воплотил на сцене текст, автором которого значится Иван Карамазов, стало вдруг отчетливо ясно, с кого из героев мировой литературы он делал и делает свою жизнь в искусстве. Ведь что же иное его вечная попытка достучаться до небес и обличить земную юдоль, как не бунт сострадательного интеллектуала против Бога? В основу спектакля, названного «Нелепой поэмкой», легли кроме «Легенды» еще две предшествующие ей главы из «Братьев Карамазовых». В них Иван доказывает брату Алексею право вернуть Творцу билет на вход в царство гармонии. Билет, если кто вдруг не помнит, оплаченный «слезинкой ребеночка». Алексей в ответ почти ничего не говорит. В сдержанном и очень убедительном исполнении Андрея Финягина он лишь просветленно молчит. Иван же (Николай Иванов) говорит лихорадочно. Налет интеллектуальности с него снят: он говорит сердцем. Есть в нем эдакое гинкасовское юродство (в самом начале спектакля он выезжает на сцену на инвалидной каталке — ну в смысле: извините, что мы к вам обращаемся), но юродство не отменяет искренности. Оно лишь ее оттеняет. Иван говорит убедительно.

Великий инквизитор, которому он передаст слово, тут еще убедительней. Даром что ли играет его Игорь Ясулович, артист редкого мастерства и удивительной энергетичности. Почти часовой монолог 90-летнего старика — обвинение Христа, взвалившего на человечество непосильное бремя свободы, рассказ о наших грехах, сменяющий рассказ Ивана о наших страданиях, — пронизан такой болью за людей, что искать контраргументы как-то не хочется. Да их, собственно, и произнести тут некому. Христа рядом с инквизитором нет. Во-первых,

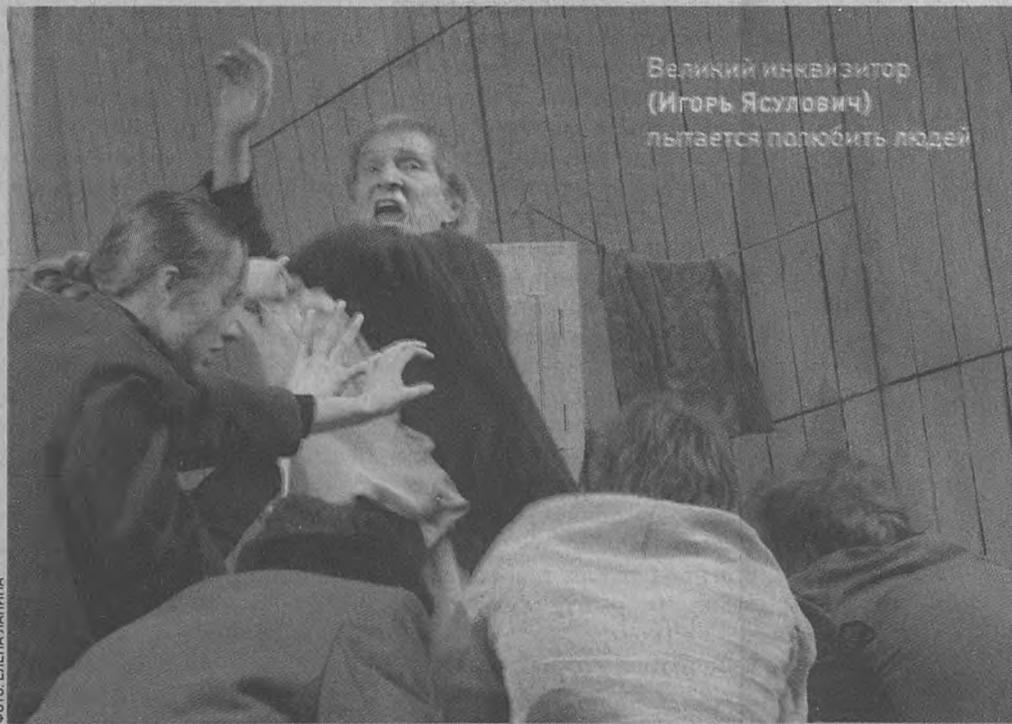
Гинкас слишком умен, чтобы выводить Его на сцену во плоти. Алексей молчит. Христос безмолвствует.

В спектакле есть несколько типично гинкасовских, режущих и колоющих, ходов. Нам без обиняков продемонстрируют, как человечество жаждет хлеба и зрелищ: прибьют к кресту четыре буханки хлеба и водрузят сверху телевизор. Есть прекрасная, как всегда, сценография Сергея Бархина — гулкое кирпичное пространство не дает мыслям вырваться наружу, и они как эхо возвращаются к тому, кто их произнес. В этом спектакле по-прежнему чувствуется фантастическое мастерство режиссера. Но такой бездны отчаяния у Гинкаса не было, пожалуй, никогда.

У Сэмюэля Беккета есть гениальная фраза, обращенная к Богу (точнее, брошенная

Ему): «Мерзавец! Он не существует». Вот эпитафия к творчеству Гинкаса. Гнев на Того, кого нет, за то, что Его нет. Ты кричишь в небеса, а там тишина. Пустота. Вечное безмолвие. Да откликнитесь же вы, человек гибнет! Никого нет дома. К давящему ужасу богооставленности в новом спектакле примешивается столь же давящая мизантропия.

Если бы Гинкас не верил только в Бога. Но он ведь и в человека как-то не того... Весь вечер на сцене присутствует массовка, и участницы ее похожи на бомжей с Курского вокзала. До боли в мышцах и суставах Гинкас жалеет сих достойных кисти Брейгеля двуногих существ, но в его жалости не может быть любви. Это жалость Великого инквизитора, точно знающего, что у людей нет Бога, потому что и людей-то почти нет. Так — считанные единицы. Раз, два — и обчелся. Несколько сострадательных интеллектуалов, упорно бросающих вызов Тому, в кого они не верят.

Великий инквизитор
(Игорь Ясулович)
пытается полюбить людей

ФОТО: ЕЛЕНА ЛАПКИНА